ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

С.В. ПЕРЕВАЛОВА
(Волгоград)

«ЭХО» СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ В РУССКОЙ ПРОЗЕ НОВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Рассматриваются особенности развития темы Сталинградской битвы в русской литературе 2000-х гг., анализируются художественные и документальные произведения, авторы которых были участниками Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: *автор, герой, рядовой, генерал, мир, дом, Победа.*

Сегодня время вспомнить тех солдат,
Во имя правды это сделать надо,
Отдавших жизнь свою за Сталинград,
И потому не знавших Волгограда.
Н. Доризо «О них»

Сталинградская битва – вечная тема в русской литературе. Вот и в новом столетии, пожалуй, не найти книг о Великой Отечественной войне, где бы ни звучало «эхо» боев за героический город на Волге. Это имеет прямое отношение к художественным и документальным произведениям «лейтенантской» прозы, авторы которой «прошли войну солдатами и офицерами переднего края» [4, с. 185], сохраняя благодарную память о Сталинграде и связанном с ним коренном переломе в ходе военных сражений. В рассказе-прощании «Пролетный гусь» (2001) В.П. Астафьев тоже затрагивает тему Сталинградской битвы в горькой истории о послевоенной жизни двух рядовых Великой Отечественной – Данилы и Марины Солодовниковых. Случайно встретились они «в долгом послевоенном пути прямо на железной дороге». У обоих не было «никакого дома на земле». Были только молодость, желание работать да вера в то, что «как-нибудь все образуется само собой, в большой такой стране найдется» и для них «уголочек». В незнакомом прежде «уголочке» – в уральском городишке – молодожены осели, хотя и в чужом доме, и в бедности, но «жили ладно и даже складно». Не успев за военное лихолетье «урвать» ни чинов, ни льгот, оба честно работали, сохраняя память о высоком нравственном кодексе фронтовиков, о том, что если сподличаешь – «не простит меня мой лейтенант» (С. Орлов), совесть не простит.

В.П. Астафьев, воевавший там, где «пехотнее» (Б. Слуцкий), всегда отстаивал трагическую правду о войне. Она обжигает сегодняшних читателей болью за мучеников войны и вызывает гордость за тех, кто «сдюжил», не предал ни на передовой, ни в мирное время. «Пролетный гусь» подтверждает: «Победу в Великой Отечественной войне одержал хороший человек! В человеке нравственно слабом война способна развязать всякого рода темные инстинкты» [14]. В анализируемом рассказе неизбежным становится столкновение дорогих автору героев с теми «дармоедами и прихлебателями», которые считали, что «они главная движущая сила побед и возрождающегося прогресса» [3, с. 32]. Действительно, «в чине подполковника уволенный в запас» Владимир Федорович Мукомолов, ставший в послевоенные дни видным «партийным господином», испытывает непреодолимое раздражение от вынужденного соседства с Солодовниковыми, рядовыми Отечественной войны и послевоенного трудового фронта. Его неприятно удивили воинские награды на груди Данилы: «парнишка, молокосос <…> – и три медали у него», да еще орден Красной Звезды и «лазоревой ленточкой светящаяся медалька “За взятие Кенигсберга”». Обращает на себя внимание то, что сам В.П.Астафьев был удостоен ордена Красной Звезды, медали «За освобождение Варшавы», медали «За победу в Великой Отечественной войне 1941–1942 годов» и медали «За Отвагу». Эту награду, «одну из первых и по своему статусу высшую медаль в наградной системе Союза Советских Социалистических республик, вручаемую за личное мужество и отвагу в борьбе с врагом» [17], будущий писатель получил в 1942 г. девятнадцатилетним парнишкой.

Правда, Мукомолов из «Пролетного гуся» имел «медаль за Сталинград», но проницательный Данила по-солдатски определил: этот «в политотделе за много верст от фронта мешками кровь проливал» [3, с. 26]. Автор от себя, «прямой речью», по-солдатски жестко поясняет позицию Данилы, говоря, что Мукомолов, видно, крепко усвоил: его главная задача «не особо мешать воевать людям, но и держаться так, чтобы о нем совсем не забыли, куда-то ездить, звонить, собираться на конференции и

© Перевалова С.В., 2016

требовать, чтобы рядовые коммунисты на переднем крае <…> в борьбе с врагом не жалея себя бились на самом ответственном участке фронта» [3, с. 21]. Ретроспективно возникающие эпизоды боев за Сталинград доказывают, что от таких «требований» мало что зависело: воюющая армия, народ страны сами видели в сражающемся городе «Ту последнюю пядь,/ Что уж если оставить,/То шагнувшую вспять/ Ногу некуда ставить» (А.Т. Твардовский). Потому Астафьев с уважением вспоминает о законах военного времени, ограничивающих власть карьеристов и приспособленцев: «Командующий армией, прижатой к кромке берега Волги, убирал все лишнее с клочка избитой, кровью пропитанной земли и, принимая переплавившиеся под огнем пополнения, на обратном транспорте отправлял на другой берег <…> важных персон из финансовых и секретных отделов. Чтобы не путались под ногами, не делали видимость неутомимой работы, бдительного контроля, в том числе и за ним, за командующим» [Там же, с. 20].

Послушный своей «контуженой музе» В.П. Астафьев, болея за рядовых Великой Отечественной, связывая с ними, с их «скромной особенностью» (В. Гроссман) победу над врагом, никогда не писал войну «бодрой». Его герои из тех, кто защищал Родину, а не идеологию, кто знал, что такое патриотизм. Закрепленное еще в «Толковом словаре живого великорусского языка» Владимира Даля понятие «патриотизм» – «любовь к Отчизне» [10, с. 24] и в наши дни не нуждается в пересмотре: его не коснулись ни изменение форм собственности, ни трансформация самого общественного строя. Любовь к Отчизне – чувство, которое объединяет всех нас, символизируя преемственность исторической памяти и духовно-нравственных представлений о жизни и смерти «на миру». К сожалению, после войны «звание и партийный сан» Мукомолова оказываются важнее безоглядной фронтовой храбрости Данилы и трудолюбия его жены, которая «в госпитале всю войну работала, людей спасала», да и теперь «шла на зов страждущих в любое время». Астафьев с горечью говорит об угасании ребенка – Аркаши, сына Солодовниковых, а потом и всей семьи. «Выстояв в смертельной схватке с врагом, доверчиво вступая в послевоенный мир, <…> охваченные поначалу чувством общности своей судьбы с судьбой страны и народа, подвижнически готовые на самый тяжкий труд и в мирное время во имя незатейливого счастья вить собственное гнездо, герои рассказа оказались обречены на гражданское сиротство и гибель» [23, с. 38] в 1949 г. Это год широкого празднования семидесятилетия Сталина, которое отодвинуло на задний план вопросы, связанные с военными потерями и горьким послевоенным бедованьем чудом уцелевших. В.П. Астафьев многое из своего фронтового и послевоенного опыта передал своим «непобедительным» героям: писателю, как и его Даниле, хорошо известен «пресный вкус безродности» (В. Курбатов), он тоже рядовым добровольно ушел на фронт и, подобно главному герою своего рассказа, «далее окопного солдата так и не выбился ни в какие чины». Похоже, и отчаянное признание Данилы, не сумевшего спасти своего затухающего от недоедания и болезней ребенка: «Какой я муж? Какой отец? Не гожусь я на эти ответственные должности!», писатель сам прокричал: в 1947 г. бытовая неустроенность привела к гибели новорожденной дочери В.П. Астафьева и его жены, фронтовой медсестры.

На основе живых образов своих многострадальных героев автор «Пролетного гуся» выстраивает такую систему нравственных ориентиров для современников, которая утверждает любовь к людям высокого полета, «к людям с чистой совестью» и мысль о неизбежности исторического «перемола» любого зла, любых «Мукомоловых». Закрепляясь в памяти читателей, семья фронтовиков Солодовниковых не исчезает бесследно со страниц рассказа-завещания «Пролетный гусь», приобретающего сильнейшее антивоенное звучание. Судьба любимых писательских героев настойчиво подчеркивает важнейший исторический урок: «Оказывается, война не завершается победой» (Б. Слуцкий). Речь о том, что связанные с войной «потери крайне отрицательно сказались на генофонде страны. <…> С последствиями войны мы и наши потомки вынуждены будем считаться еще многие десятки, а может быть, и сотни лет» [24, с. 173].

В современной прозе о Великой Отечественной войне мысль о невосполнимых утратах все чаще выдвигается в центр проблематики произведений. В одном из своих интервью писатель-фронтовик Д. Гранин заметил: «Мы не публиковали до самых последних лет потери по фронтам, по годам, по полководцам… Правду потерь скрывали… Тот или иной маршал одержал победу. Но какой ценой? Это не учитывалось» [8]. В новом тысячелетии появилось произведение, где глав-

ный герой – военачальник, для которого вопрос о «цене» побед приобретает первостепенное значение. Это не вымышленный персонаж художественного произведения, а реальная историческая личность – Герой Советского Союза, генерал-полковник А.В. Горбатов, образ которого – в центре документальной повести И.И. Николаева «Генерал» (2006). Биография выходца из многодетной крестьянской семьи, где «было пятеро сестер и пятеро братьев» [18, с. 106], проделавшего путь «от унтер-офицера, красноармейца, командира бригады, командира дивизии, каторжника» до командующего армией, оказывается «вместительной» для десятков, если не сотен, судеб тех, кто вместе с армией и народом нашей страны пережил трагические эпизоды отечественной истории XX в. Вот почему так внимательно и подробно прослеживает И.И. Николаев основные этапы жизни своего генерала, не отступая от «правды факта», но позволяя себе прямые публицистические высказывания, выявляющие авторскую симпатию к нашим национальным героям. Задерживая внимание читателей на том, что «начало службы Горбатова в 1912 году» связано с «русской конницей – главной подвижной силой армии», писатель подчеркивает преемственность патриотических традиций: «Двенадцать маршалов Советского Союза вышли из русской конницы!» [Там же, с. 107]. И.И. Николаев называет Г.К. Жукова, К.К. Рокоссовского и других, кто по-военному служил Родине, а не тому или иному общественно-политическому строю.

В «Генерале» документированная основа сюжетного действия, включающая в себя фрагменты подлинных свидетельств: «19 ноября 1942 года началось общее наступление нескольких фронтов Красной армии под Сталинградом. 2 февраля 1943 года окруженные остатки немецкой группировки капитулировали» [Там же, с. 131], – не отменяет художественных обобщений, помогая читателям понять то, что таится за сухими строками исторических свидетельств. Драматизм повествования обосновывается переплетением различных мотивов в сознании и поведении главного героя, осознающего и величие солдатского подвига, и ошибочность некоторых недостаточно продуманных и подготовленных операций. Писатель берет на вооружение не только документы, но и мемуары самого А.В.Горбатова, где встречаются воспоминания и о коренном переломе в ходе Великой Отечественной войны: «Фашисты не вышли к Волге, хотя она находилась от них всего лишь на дальность пистолетного выстрела. Почему же мы не смогли организовать оборону, когда враг был от города на расстоянии артиллерийского выстрела? Ведь тогда вести оборону было куда легче…» [Там же, с. 211]. В повести И. Николаева внутренний монолог главного героя воспроизводит то, как профессиональный военный, на себе испытавший «сталинградскую мясорубку» (И. Николаев), переходит от единичного факта к философскому осмыслению исторических событий. Генерал «сокрушается по поводу ожесточенной обороны последних клочков сталинградской земли у самой воды… Эти “пятачки” ничего не значили ни в тактическом, ни, тем более, в оперативном смысле. Зачем было их удерживать такой ценой? Сколько людей положили! <…> Как бы эти погибшие и изувеченные бойцы пригодились в дальнейшей войне и в жизни» [Там же, с. 131]. Этот «серьезный и талантливый военный» на своем опыте знал, что такое «дальнейшая война», где особенно памятно наступление на Орел. После освобождения этого города Москва «дала первый победный салют», а имя генерал-лейтенанта Горбатова, в послужном списке которого – «наличие Колымы» за попытку публичной поддержки мнимых «врагов народа», репрессированных в конце 1930-х военачальников, «в полном смысле этого слова прогремело на всю страну» [Там же, с. 134].

Однако и в те торжественные дни «настоящей радости победы не вышло»: погиб командир дивизии Гуртьев, под жестоким огнем заслонивший своим телом командарма. В документальной повести писателя-фронтовика И.И. Николаева, понимающего, что «массовый героизм» нашего воинства складывается из «частных», единственных судеб, сквозной становится тема оборванных жизней, которыми оплачена победа: «сталинградец Гуртьев закрыл собою сталинградца Горбатова… Ровесник умер на плече ровесника» [Там же]. Этот эпизод фронтовой биографии главного героя своего «Генерала», где реализуется основной этический принцип солдатского поведения «Сам погибай, а товарища выручай!», автор завершает своего рода «лирическим отступлением», тоже имеющим документальное подтверждение: Гуртьеву «посвящено стихотворение Б. Пастернака “Ожившая фреска”». В нем комдив, «почувствовав близость смерти, переносился мыслями в Сталинград» (здесь «около завода “Баррикады” он выдерживал оборону со своими полками» [Там же].

Действительно, Б.Л. Пастернак в конце августа 1943 г. «присоединился к группе писателей, отправлявшейся в места недавних боев за освобождение Орла. <…> А.С. Серафимовича, которому недавно исполнилось 80 лет, посадили рядом с шофером, остальные – в кузове “доджа”» [22, с. 564]. С «поездкой в армию» связано и знакомство Б. Пастернака с генералом Горбатовым, «другом и сподвижником покойного Гуртьева» [Там же, с. 567]. А.В. Горбатов рассказал поэту о героической гибели своего фронтового товарища, которого знал как «честного и решительного командира», одного из «храбрейших защитников Сталинграда». Позднее, в своих мемуарах «Годы и войны», он тоже вспомнит об этом незабываемом событии: «Окопчик был неглубоким. <…> Один из снарядов разорвался перед нами в десятке шагов. Мне показалось, что ранен в голову, но это была лишь контузия. А Гуртьев приподнялся и проговорил: “Товарищ командующий, я, кажется, убит”. – И уронил голову мне на плечо. Да, он был убит. На моей гимнастерке и фуражке осталась его кровь» [6, с. 224].

И.И. Николаев, писатель и кинорежиссер, порой привычно «монтирует» эпизоды-кадры, сообщая повествованию динамичность и позволяя читателю-зрителю ощутить накал военных событий (в качестве автора сценария, художника-постановщика и режиссера И.И. Николаев хорошо знаком по кинофильму «Генерал» (1992), в основе которого – судьба генерала армии А.В. Горбатова). Так, после атаки фашистского «юнкерса» главному герою представляется: все «зазвенело и задвоилось… Придя в себя, увидел в земляной стенке, впритирку с носом, дыру в кулак… Откопал крупнокалиберную пулю.

– Кто-то за вас крепко молится, – сказали бойцы.

Молитвой у мамы было симоновское “Жди меня”.

Стрелки окопались по верху большого холма.

Минрота – на обратном скате.

Немцы, заняв село, замолчали. Батальон тоже не стрелял» [18, с. 38].

Однако самые важные моменты фронтовой судьбы своего героя И.И. Николаев дает «крупным планом». Среди них и трагический эпизод гибели генерала Гуртьева, потрясший Горбатова. Для Б.Л. Пастернака знакомство с самим Гуртьевым так и осталось заочным: впервые имя этого бесстрашного командира встретилось ему на страницах «Направления главного удара», центрального очерка из книги В. Гроссмана «Сталинград», подаренной автором Пастернаку весной 1942 г. и с тех пор хранящейся в библиотеке поэта. Б. Пастернак узнал о гибели «героя Сталинграда и Орла» во время своей поездки в Орел, который освобождала 308-я гуртьевская стрелковая дивизия. «Поискам этой дивизии были посвящены и трехдневные разъезды» художника, «заносившие в Жиздру, Изигры и Брынь» [22, с. 567]. В очерке Гроссмана командир сибирской дивизии полковник Гуртьев – «сухощавый пятидесятилетний человек», который «двадцать восемь лет своей жизни посвятил военному делу. Два сына его лейтенантами ушли на войну. В далеком Омске остались жена и дочь-студентка» [9, с. 119]. Гроссман рассказал о том, что солдаты-сибиряки Гуртьева, для которых «героизм стал бытом, стал стилем дивизии, сделался будничной, каждодневной привычкой», выдерживая «сверхчеловеческое напряжение», не «сошли со смертного рубежа», ни разу «не оглянулись назад, потому что знали: за спиной была Волга, судьба страны» [Там же, с. 121]. Писатель с особенным уважением отмечает «удивительную целомудренную мораль, крепкую любовь, связывавшую всех людей сибирской дивизии. Дух спартанской скромности свойственен всему командному составу дивизии. Он сказывается и в бытовых мелочах, и в отказе от положенных законом ста граммов водки во все время Сталинградских боев, и в разумной, нешумливой деловитости» [Там же]. Вступая в творческий диалог с Гроссманом, Пастернак в опубликованной 15 апреля 1944 г. балладе «Ожившая фреска» делает своего героя не сибиряком, а волжанином, который в Сталинграде порой «под огнем своих проведывал». Его глазами читатели видят разрушенный город:

Как прежде, падали снаряды,
Высокое, как в дальнем плаваньи,
Ночное небо Сталинграда
Качалось в штукатурном саване [21, с. 396].

Как и у других художников, прикасающихся к теме Сталинградской битвы, у Пастернака используется возвышенная лексика: «земля гудела, как молебен», «сиял над змеем лик Георгия» и др., – но у него высокий слог «подчинен не столько прославлению героизма воинов, сколько раскрытию религиозного смысла поступков, совершаемых бойцами» [25, с. 229]. Не случайно в «Ожившей фреске» Б.Пастернака альтернативой разрушительным

последствиям сражений становится животворящая тема детства, которая реализуется через образы часовни, лики святых, монастырский сад, где

… родина, как голос пущи,
Как зов в лесу и грохот отзыва,
Манила музыкой зовущей
И пахла почкою березовой.

Герой вспоминает то время, когда

Он мать сжимал рукой сыновней,
И от копья архистратига ли
По темной росписи часовни
В такие ямы черти прыгали.

С образом матери входят в балладу мотивы «женственности и лиричности», что «всегда вплетаются во все оборонные темы древнерусской литературы», свидетельствуя: «с наступающими врагами сражаются не только воины, – борется народ» [16, с. 222]. Более того, у Пастернака «мать героя в батальной действительности становится страдающей Матерью-родиной, которую защищает воин» [11, с. 137]. Обращение к балладе, древнему жанру народного творчества, освоенному литературной традицией, позволяет художнику показать жизнь героя не только с точки зрения конкретных событий, но и в контексте общечеловеческой судьбы. Возрождая важнейший для народного мировосприятия образ почитаемого на Руси святого, побеждающего зло не физической, а духовной силой, Б. Пастернак восстанавливает преемственность с дореволюционной историей и стилизует облик советского воина под иконописный лик Святого Георгия Победоносца (С.С. Аверинцев), небесного покровителя русских ратников. Иконографический сюжет «Чудо Георгия о змее» проецируется на события Сталинградской битвы. Хвостатые черти, прыгающие в ямы «по темной росписи часовни», сопоставлены с неприятельскими бомбами и снарядами; вражеские танки имеют грозную драконью чешую; свастика называется «хвостатой», тем самым обретая инфернальное осмысление; земное пламя напоминает адский огонь фрески.

А рядом, в конном поединке
Сиял над змеем лик Георгия,
И на пруду цвели кувшинки,
И птиц безумствовали оргии.

«Пейзажная живопись» в стихотворении Б. Пастернака подтверждает замечание И. Ильина о том, что русский «упивается <…> интенсивностью бытия, мощью и красотой природных явлений, вчувствованием в божественную сущность мира, вглядыванием в первооснову и бездну бытия, откровением Бога в нем» [12, с. 176]. В сознании героя Б. Пастернака дело обороны родного города связано не только с воспоминаниями о детстве, маме, родной природе, что формируют основу человеческой души, но и с осознанием нерасторжимой связи с историей Отечества. Не случайно Д.С. Лихачев, вспоминая, как блокадной зимой 1942 г. шла работа над брошюрой «Оборона древнерусских городов», задерживает внимание на том, что в годы Великой Отечественной войны «в жизнь стали входить древнерусские слова: рвы, валы, надолбы. Таких сооружений не было в Первую мировую войну, но этим всем оборонялись древнерусские города» [16, с. 218]. Запечатлено это и в литературе Древней Руси: «воинские повести в основном были посвящены обороне и милосердию в войне» [15, с. 601]. Особенного внимания заслуживает замечание о том, что в древнерусской культуре масштабность и монументальность свойственны не только летописным «событиям, но и их изображению. Не случайно нашествие монголо-татар сравнивалось с событиями библейскими» [16, с. 220]. Воссоздавая последние секунды жизни героя, во время минометного обстрела закрывшего своим телом командующего 3-й армией генерала А.В. Горбатова, Пастернак словно почувствовал: мысленно тот обратился к Сталинграду, где сражался в дни обороны завода «Баррикады». Именно эта земля навеки стала его родиной. Здесь

Он перешел земли границы,
И будущность, как ширь небесная,
Уже бушует, а не снится,
Приблизившаяся, чудесная.

В таком финале произведения акцент делается не на трагичности события, а на возвышенности судьбы героя, который жертвует собой ради жизни Родины и «други своя». В балладе-реквиеме всем павшим за Сталинград слова «он перешел земли границы» означают переход в вечность (в «будущность»), что поддерживало в соотечественниках веру в нерастраченные духовные ценности православного народа, в то, что смерть на поле брани во славу Отчизны спасительна для бессмертной души бойца. «Недостаточно, – настаивал Пастернак, что одни из нас удовлетворяют свою идейность об истории тем, что они партийны, а другие тем, что ходят в церковь. < …> надо думать об общем одухотворении» [20, с. 24].

Объединяющая весь народ мысль о том, что «не в силе Бог, а в правде», близка всем художникам «лейтенантской» прозы. Д. Гранин в своем реалистическом романе «Мой лейтенант» (2011) с первых страниц связывает в сознании читателей две важнейшие даты отечественной истории XX в.: снятие блокады Ленинграда и Сталинградская победа, позволившая нам «начать общее наступление на всем советско-германском фронте от Ленинграда до Кавказа, завершившееся сокрушительным разгромом врага» [5, с. 253]. Автор глазами своего молодого лейтенанта видит первые месяцы войны: поначалу фашисты «к Ленинграду двигались почти по восемьдесят километров в день»: «торопились покончить с нами до наступления зимы». Двадцатилетний офицер, «пытаясь понять, куда идет война» [7, с. 297], отчетливо представляет себе «единую угрожающую картину. Вслед за Ленинградом – Москва, Донбасс, выход к Волге...» [Там же, с. 68].

Намеренное усложнение повествовательной структуры, позволяющей сквозь призму «двойного» видения – с точки зрения «юности командиров» и с позиции ветерана-фронтовика – воссоздать объемно и объективно события военных лет, помогает читателям «войти в историю через современность» (А. Толстой). В одном абзаце «Моего лейтенанта» порой встречается неожиданное сочетание разных временных пластов: вот «военная история начинается от первого лица, а через несколько строк заканчивается в третьем лице, и герой-рассказчик уже отстранен за прозрачным инициалом Д., и смотрит на него писатель из дней нынешних» [13]. Взгляд этот критичен: «Мы с этим лейтенантом давно перестали понимать друг друга» [7, с. 227]. Кажется тот наивным, доверчивым, знающим жизнь только по книгам: «шибко романтичный юноша, форменный Павка Корчагин, или Гаврош, или Рахметов, кто там еще...» [Там же, с. 292], – это признание ветерана. С собой, тогда, в годы военного лихолетья, только начинающим жизнь, мудрый Д. нередко спорит, понимая, что нынешние представления о войне и послевоенном мире не во всем совпадают с прежними, и объясняя: «Все дело в том, что лейтенант – человек другого поколения. Нас разделяет целая эпоха. Он верил в Победу, цена не играла для него роли, никакие неудачи, ошибки не могли затенить того факела, что светил ему вдалеке...» [Там же, с. 97]. А Д. уже хорошо известно, что такое цена Победы: на войне поражения и успехи измеряются человеческой жизнью. В то же время оба героя составляют в романе Гранина единое целое: чтобы победить, выжить, не озлобиться, приобретая то, что называется «жизненная мудрость», Д. необходимо было пережить взлеты и заблуждения «моего лейтенанта» 1940-х с его «пылкой верой, жертвенностью и мечтой о прекрасном будущем» [Там же, с. 302]. Да и прошлое обоих героев общее – война, ленинградская блокада, тему которой Д. Гранин первым дерзнул открыть в нашей послевоенной литературе, совместно с А. Адамовичем создав «Блокадную книгу» (1981) – «эпопею человеческих страданий» (Д. Гранин), основанную на подлинных воспоминаниях ленинградцев и лишь в 2013 г. переизданную без цензурной «правки». Вот и в романе «Мой лейтенант» Д., вспоминая о послевоенных встречах с теми, кто родился под мирным небом, с грустью подытожит: «... блокадные дела не были модными, журналистам надо было про наступление, про разгром немцев» [Там же, с. 293].

Были и наступление, и разгром немцев, и выстраданная Победа. В завершении романа Д. Гранина собеседник главного героя – ветеран-немец, когда-то мечтавший покорить Ленинград, поражен великолепием сегодняшнего Питера: «“Сказочный город... Хорошо, что он уцелел. Что мы не вошли сюда”. – “Хорошо, что мы не сдались”, – сказал я» [Там же, с. 317]. В этом «я» – и голос наших ветеранов, и голос «моего лейтенанта», «совсем молодого, тоненького, перетянутого ремнем, густая шевелюра торчала из-под лихо сдвинутой фуражки», что уходил в историю вместе с теми, кто не дожил до победы, «с Женей Левашовым, Володей Лаврентьевым» [Там же] и миллионами других, что остаются навечно в благодарной памяти спасенного человечества. Какими бы наивными, мечтательными они ни представлялись сегодня, но это они не дают нынешним «клеветникам России» «скорректировать» историческую память, утверждая: это наша Победа, наша страна, наш Ленинград, наш Мамаев курган.

В упомянутом интервью Д. Гранин высказал убеждение: «Единственными, кто говорил правду о войне, были писатели-фронтовики». Это представление поддерживает и художественно-документальный роман М. Алексеева «Мой Сталинград», последнее, 2003 г., прижизненное издание которого было дополнено автором своими письмами, отправленными из осажденного Сталинграда в 1942–1943 гг. В этих письмах двадцатитрех-

летнего политрука минометной роты девятнадцатилетней Оле Кондрашенко, которая сохранила их «до единого», – живая боль участника и свидетеля тех боев. В «Моем Сталинграде» среди увиденного в те суровые годы и не «съеденного ржавчиной времени» (Д. Гранин) – подлинные номера подразделений и полков, реальные герои со своими именами и биографиями, невымышленные топографические обозначения. Сам писатель объясняет это так: «По наивности в годы войны я как-то не очень ответственно отнесся к тому, что на передовой нельзя вести никаких дневников, командиру особенно. Это категорически запрещалось, потому что они могли попасть в руки врага. И вот моя тетрадь сохранилась. У меня даже вышла небольшая книжечка – “Тетрадь, начатая под Сталинградом”» [2, с. 96]. Эта легендарная тетрадь и помогает автору «Моего Сталинграда» воссоздать подлинную атмосферу тех огненных лет: «батальон по балке Купоросной двинулся в гору. Под ногами чавкала вода. Это продолжал свою жизнь, подбираясь к Волге, тот ручеек, который просачивался под плотиной хутора Елхи. Мы шли по нему и не знали, что к концу этого дня он из прозрачного, светло-золотистого обретет цвет разбавленной крови» [1, с. 115]; «К месту сосредоточения, к хутору Генераловскому, вышли к полудню и там “считать мы стали раны, товарищей считать”. И многих, даже очень многих не досчитались» [Там же, с. 17]. О том, скольких это – «многих», сегодня свидетельствуют данные официальной статистики: «в результате Сталинградской битвы (17 июля 1942 г. – 2 февраля 1943 г.) потери советских войск составили 487741 убитыми и пропавшими без вести и более 650890 ранеными» [19].

«Глубина биографического отпечатка» (Б. Пастернак) ведет художника от личных воспоминаний к раскрытию психологии становящегося, мужающего воина, душу которого питают идеалы народной жизни, от описания событий – к их анализу в неразрывной связи с потоком времени, в котором живут автобиографический герой, его рота и вся страна. М. Алексееву удалось запечатлеть высоту духа живых и павших, но не отступивших за Волгу. Установка на подлинность сохраняется и в финальных главах книги. В своем «невыдуманном романе» (М. Алексеев) прозаик, «изведавший настоящий ад Сталинграда», с гордостью вспоминает о послевоенной встрече с ветеранами одного из французских городов, на которую он был приглашен в 1993 г. «не столько как писатель», а «главным образом как участник Сталинградской битвы по случаю ее 50-летия. < …> И всюду, где бы я ни был, стар и млад в один голос говорили мне одно и то же: там, на берегах Волги, вы, русские люди, спасли не только себя, но и нас». Вспоминает автор «Моего Сталинграда» и о посещении уникального музея в Нормандии: «При входе увидишь цифру “1939”, означающую год начала войны». А дальше придется «по широкой лестнице пройтись по всему адову кругу»: здесь с помощью кадров кинохроники и современных электронных средств воссоздаются голоса и события войны. Но вот у самой нижней точки страшной лестницы огромными латинскими буквами загорается родное слово – «СТАЛИНГРАД»: от «этой-то точки лестница медленно поведет тебя – сквозь грохот рвущихся бомб и снарядов – к спасительному свету. К выходу. Где написано – “1945”. Стало быть, не только для нас очевидно, что перелом во Второй мировой войне произошел там, на Волге, у стен легендарного Сталинграда» [1, с. 245]. Сегодня, «как бы ни давили память годы» (Н. Майоров), тоже следует признать: подвиг Сталинграда дал такой мощный импульс для развития отечественной литературы, что ее «эхо» отзывается и в русской прозе нового тысячелетия, заставляя современников склонять головы перед величием нашей героической земли.

Список литературы

1. Алексеев М. Мой Сталинград: роман. М.: Дружба народов, 2000.
2. Алексеев М. Нельзя поправлять историю // Книги не молчат: Из публицистики 80-х. М.: Современник, 1989. С. 93–99.
3. Астафьев В. Пролетный гусь // Новый мир. 2001. № 1. С. 8–36.
4. Бакланов Г., Лазарев Л. «Теперь, когда прошло столько лет…» // Вопросы литературы. 1983. № 1. С. 177–201.
5. Борзунов С.М. Книга о сражении века // Алексеев М. Мой Сталинград: роман. М.: Дружба народов, 2000. С. 253–254.
6. Горбатов А.В. Годы и войны. 2-е изд. М.: Воениздат, 1989.
7. Гранин Д.А. Мой лейтенант. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2013.
8. Гранин Д. Мучительные вопросы бытия // Литературная газета. 2004. 24–30 нояб.
9. Гроссман В. Направление главного удара // Только победа и жизнь!: Публицистика военных лет. М.: Сов. Россия, 1985. С. 111–122.
10. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Рус. язык, 1982. Т. 3.

11. Есаулов И.А. Пасхальность русской словесности. М.: КРУГЪ, 2004.

12. Ильин И. Сущность и своеобразие русской культуры // Москва.1996. № 1. С. 169–190.

13. Каралис Д. За все, что испытал // Литературная газета. 2013. 20 февр.

14. Кураев М. Трудяги войны // Литературная газета. 2006. 5–16 мая.

15. Лихачев Д.С. Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет. Л.: Сов. писатель, 1989.

16. Лихачев Д.С. Раздумья. М.: Современник, 1991.

17. Маслак Н., Шерстобитова Т., Шестакова М. Великая Отечественная – имя собственное // Литературная газета. 2015. 18–24 марта.

18. Николаев И. Генерал // Звезда. 2006. № 2. С. 105–147.

19. Осадин Б. Победители, пропавшие без вести // Литературная газета. 2013. 30 янв.– 5 февр.

20. Пастернак Б. Из записной книжки // Век Пастернака. Приложение к «Литературной газете». 1990. Февр. С. 19–24.

21. Пастернак Б.Л. Ожившая фреска // Пастернак Б.Л. Стихотворения и поэмы. М.: Худож. лит., 1988.

22. Пастернак Е.Б. Пастернак Борис: материалы для биографии. М.: Сов. писатель, 1989.

23. Шленская Г.М. Некоторые проблемы изучения феномена Виктора Астафьева // Феномен В.П. Астафьева в общественно-культурной и литературной жизни конца XX века. Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2005. С. 29–43.

24. Шубкин В. Трудное прощание // Новый мир. 1989. № 4. С. 165–184.

25. Шурмак Г. Третье рождение Бориса Пастернака // Новый мир. 1995. № 8. С. 227–230.

26. URL: http://podvignaroda.mil.ru

* * *

1. Alekseev M. Moj Stalingrad: roman. M.: Druzhba narodov, 2000.

2. Alekseev M. Nel'zja popravljat' istoriju// Knigi ne molchat: Iz publicistiki 80-h. M.: Sovremennik, 1989. S. 93–99.

3. Astaf'ev V. Proletnyj gus'// Novyj mir. 2001. № 1. S. 8–36.

4. Baklanov G., Lazarev L. «Teper', kogda proshlo stol'ko let…» // Voprosy literatury. 1983. № 1. S. 177–201.

5. Borzunov S.M. Kniga o srazhenii veka // Alekseev M. Moj Stalingrad: roman. M.: Druzhba narodov, 2000. S. 253–254.

6. Gorbatov A.V. Gody i vojny. 2-e izd. M.: Voenizdat, 1989.

7. Granin D.A. Moj lejtenant. M.: OLMA Media Grupp, 2013.

8. Granin D. Muchitel'nye voprosy bytija //Literaturnaja gazeta. 2004. 24–30 nojab.

9. Grossman V. Napravlenie glavnogo udara // Tol'ko pobeda i zhizn'!: Publicistika voennyh let. M.: Sov. Rossija, 1985. S. 111–122.

10. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka. M.: Rus. jazyk. 1982. T. 3.

11. Esaulov I.A. Pashal'nost' russkoj slovesnosti. M.: KRUG##, 2004.

12. Il'in I. Sushhnost' i svoeobrazie russkoj kul'tury // Moskva.1996. № 1. S. 169–190.

13. Karalis D. Za vse, chto ispytal // Literaturnaja gazeta. 2013. 20 fevr.

14. Kuraev M. Trudjagi vojny // Literaturnaja gazeta. 2006. 5–16 maja.

15. Lihachev D.S. Zametki i nabljudenija: Iz zapisnyh knizhek raznyh let. L.: Sov. pisatel',1989.

16. Lihachev D.S. Razdum'ja. M.: Sovremennik, 1991.

17. Maslak N., Sherstobitova T., Shestakova M. Velikaja Otechestvennaja – imja sobstvennoe // Literaturnaja gazeta. 2015. 18–24 marta.

18. Nikolaev I. General // Zvezda. 2006. № 2. S. 105–147.

19. Osadin B. Pobediteli, propavshie bez vesti // Literaturnaja gazeta. 2013. 30 janv.– 5 fevr.

20. Pasternak B. Iz zapisnoj knizhki // Vek Pasternaka. Prilozhenie k «Literaturnoj gazete». 1990. Fevr. S. 19–24.

21. Pasternak B.L. Ozhivshaja freska // Pasternak B.L. Stihotvorenija i pojemy. M.: Hudozh. lit.,1988.

22. Pasternak E.B. Pasternak Boris: materialy dlja biografii. M.: Sov. pisatel', 1989.

23. Shlenskaja G.M. Nekotorye problemy izuchenija fenomena Viktora Astaf'eva // Fenomen V.P.Astaf'eva v obshhestvenno-kul'turnoj i literaturnoj zhizni konca HH veka. Krasnojarsk: Krasnojar. gos. un-t, 2005. S. 29–43.

24. Shubkin V. Trudnoe proshhanie // Novyj mir. 1989. № 4. S. 165–184.

25. Shurmak G.Tret'e rozhdenie Borisa Pasternaka // Novyj mir. 1995. № 8. S. 227–230.

“The Echo” of the Battle of Stalingrad in the Russian prose of the new millennium

The article deals with the features of the theme of the Battle of Stalingrad in the Russian literature of the 2000s. The author analyzes the fictional and documentary works written by the authors who were veterans of the Great Patriotic War.

Key words: *an author, a hero, a soldier, a general, piece, home, Victory.*

(Статья поступила в редакцию 26.08.2016)